

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.545.1

С 56

С.С. Апажева,

кандидат философских наук, доцент кафедры организации работы с молодежью Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, тел.: +79287069357, e-mail: svetlana.apageva@mail.ru

К.Х. Унежев,

доктор философских наук, профессор кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, тел.: +79287111468, e-mail: unegov_k@mail.ru

Б.М. Зумакулов,

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и технологии социальной работы Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, тел.: +79287003734, e-mail: bashchy07@mail.ru

А.Х. Мамсиров,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента в туризме Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, тел.: +79287207050, e-mail: alma2002@rambler.ru

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И НОВАЦИЯМИ

(Рецензирована)

Аннотация. Актуальность проблемы исследования продиктована тем, что современной социокультурной проблемой модернизации общества является вопрос о соотношении традиции и инновации. Сложность заключается, прежде всего, в том, что их соотношение и функции по-разному существуют в различных типах обществ. Традиционные культуры, присущие народам, открытым для внешнего мира, изменяются под воздействием цивилизационных факторов. Основным фактором возрождения традиционной культуры следует считать этническое самосознание народов Северного Кавказа. Естественная утрата отдельных элементов традиционной культуры привела к тому, что возрождаются лишь базисные, основные ее элементы, а не весь культурный контур в целом. Объектом исследования является северо-кавказская молодежь, на предмет ее выбора между традицией и новациями. По мнению авторов, в разных социокультурных системах имеются инновации, но их действие поддерживается в обществе лишь до тех пор, пока они не ломают традиции. Актуализация лозунга реконструкции традиционной культуры среди молодежи, стремление к «возрождению» традиционной культуры – это реакция на «зияющие пустоты» духовного мира, которые образовались в результате определенного хода истории.

Ключевые слова: молодежь, традиции, традиционная культура, ислам, инновации, трансформация, этническое самосознание, коммуникативная модальность.

S.S. Apazheva,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of the Youth Work Organization of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, ph.: +79287069357, e-mail: svetlana.apageva@mail.ru

K.Kh. Unezhev,

Doctor of Philosophy, Professor of Department of Ethnology, History of the People of the Kabardino-Balkarian Republic and Journalism of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, ph.: +79287111468, e-mail: unegev_k@mail.ru

B.M. Zumakulov,

Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of the Theory and Technology of Social Work of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, ph.: +79287003734, e-mail: bashchy07@mail.ru

A.Kh. Mamsirov,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Economy and Management in Tourism of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, ph.: +79287207050, e-mail: alma2002@rambler.ru

MODERN NORTH CAUCASIAN YOUTH: THE CHOICE PROBLEM BETWEEN TRADITION AND INNOVATIONS

Abstract. The relevance of a problem of research is related to the fact that a modern sociocultural problem of modernization of society is the question of correlation of tradition and an innovation. The complexity is, first of all, that their correlation and functions differently exist in various types of societies. The traditional cultures inherent in the people open for the outside world change under the influence of civilization factors. Ethnic consciousness of the people of the North Caucasus should be considered as the major factor of revival of traditional culture. Natural loss of separate elements of traditional culture led to the fact that only its basic elements revive, but not the entire cultural contour on the whole. An object of this research is the North Caucasian youth, its choice between tradition and innovations. According to the authors, in a combination of tradition and an innovation in different sociocultural systems in the traditional societies reproducing themselves on the basis of tradition there are innovations, but their action is supported in society only until they do not break tradition. Updating of a slogan of traditional culture revival among young people, aspiration to “revival” of traditional culture is a reaction to “the gaping emptiness” of inner world which was formed as a result of a certain course of history.

Keywords: Youth, traditions, traditional culture, Islam, innovations, transformation, ethnic consciousness, communicative modality.

Этнокультурные традиции народов современной России не только различны по форме и содержанию, но и во времени (фазе) их включения в общую историческую судьбу. Все это в конечном итоге добавило пестроту в картину традиций, ритуалов и обычаев, динамично развивалось, менялось, но в то же время продолжало выполнять

свою главную функцию – «перевести культурные ценности прошлого в настоящее и будущее». Перечисленные обстоятельства делают идентификацию законов влияния традиции на современное общество сложной научной проблемой.

Силовое нарушение внутренних традиций и вынужденное насаждение инноваций распространились

на все народы Советского Союза, включая Северный Кавказ. Многие здесь, несомненно, преследовало прогрессивные цели, например, законодательный запрет таких устаревших традиций, как кровомщение, принуждение или препятствие в браке, похищение девочек, покупка брака, многоженство. Но наряду с этим преследования распространялись и на ряд других внутренних традиций. В стране вводился некий «общесоветский» стандарт [1]. Была предпринята беспрецедентная попытка отменить некоторые традиции и ввести другие. Для достижения этой цели были выбраны различные методы и средства: от репрессий до идеологического нажима.

Современное состояние российского общества можно охарактеризовать как кризис, который носит системный характер. Системный кризис общества – это линия, за которой последует национальная катастрофа или возрождение социальной системы в новом качестве. Одной из основных причин нынешней ситуации является то, что мы переживаем период отказа от старых ценностей, когда новые еще не появились. Общество, которое развивает новые ценности, «пробует» себя, создает свои собственные, принимая во внимание особенности исторического развития социума.

Размышляя над проблемой объединения традиций и инноваций в разных социокультурных системах, можно утверждать, что в традиционных обществах, которые воспроизводятся на основе традиции, есть нововведения, но их действия поддерживаются в обществе только до тех пор, пока они не ломают традиции. Развитие здесь циклично, потому что рано или поздно инновации начинают казаться опасными для традиции.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в условиях нынешнего кризиса большинство регионов России стремятся вернуться

к ценностям «светлого прошлого», в том числе традициям.

Почти все национальные регионы заявили о необходимости возродить национальную культуру, утвердить национальное самосознание.

Постсоветская практика показала, что механическое насаждение западноевропейских и других культурных образцов в российскую почву не всегда эффективно [1].

Сегодня, когда происходит формирование новых культурных традиций, традиционная кавказская (традиционная культура) проверяется на прочность. Возникает вполне резонный вопрос: разрушается ли традиционная культура средствами современного гуманизма? Можно ли возродить ее в новом качестве? Ответы на эти вопросы среди молодежи наиболее актуальны, и, самое главное, они превращаются в лозунг, который становится неотложной потребностью национального самосознания. Отвечая на вызовы актуализации лозунга возрождения традиционной культуры среди молодежи, необходимо отметить, что стремление к «возрождению» традиционной культуры – это реакция на «зияющую пустоту» духовного мира, который был сформирован в результате определенного курса истории. Но это «пополнение утраченного» осуществляется не только путем обращения к «источникам», но и путем ознакомления с исламом. Естественная утрата определенных элементов традиционной культуры привела к тому, что для молодежи ислам стал одним из источников культурного возрождения Северного Кавказа. Дальнейшие грубые просчеты в национальной политике могут сделать ислам главным мобилизующим фактором, репертуарным лидером любого, в том числе экстремистского, убеждения [2].

Невозможно исключить такой неблагоприятный сценарий возрождения традиционной культуры на Северном Кавказе, но то, по

какому сценарию пойдет молодежь, покажет только время.

Как молодежь Северного Кавказа пытается ответить на эти вызовы времени и какой выбор она сделает?

Молодежь занимает значительное место в системе социально-политических отношений Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Это связано с социально-демографическими особенностями района, где доля молодежи в населении составляет 25-28% [3; 5]. И проблема активизации молодежного ресурса для модернизации Северного Кавказа – одна из социально значимых. Процессы глобализации, даже более тесные, чем это наблюдалось ранее, связывали перспективы модернизации с социальным слоем, который призван воплотить эти изменения в жизнь, то есть с качественным состоянием молодежной социальной группы.

Молодое поколение в социальном плане связано с той ролью, которую оно играет в общественной жизни Северного Кавказа и России в целом. Молодежь – наиболее социально активная часть населения, она наследует духовные, моральные и социальные ценности, которые формируют развитие общества в целом, образ будущего. Вот почему молодые люди рассматриваются как инновационный ресурс, роль которого растет во всех сферах жизни общества.

Принимая во внимание социальные реалии современного Северного Кавказа, и в частности – изменение ценностных точек в системе социализации молодого поколения, необходимо осознавать, что существующие проблемы сегодня становятся особенно острыми.

Желание молодежи экспериментировать, новый опыт и осознание возможных последствий являются одним из основных источников риска. Молодежь, с одной стороны, выступает в качестве движущей силы социальных преобразований,

а с другой – представляет собой группу риска в контексте участия в антиобщественных действиях и движениях. Радикализм суждений молодых людей, их характерная нетерпимость, стремление к решительным действиям и повышенная эмоциональность способствуют восприятию моделей поведения, которые, как им кажется, быстро приведут к изменению ситуации и достижению желаемого.

Общее и особенное в осмыслении исторического и современного процесса на Северном Кавказе.

Изучение социального опыта людей, их традиций, сформированных в результате социальной практики, происходит при изучении жизни того или иного общества, которое находится на определенном этапе развития. Современные социальные отношения трудно объяснить только наличием государства и функционированием общественных институтов, существующим соотношением социальных сил, они также более или менее определяются исторически накопленными и переходящими из поколения в поколение взглядами на мир, ценностями, которые являются частью системы социокультурного наследия общества. Чтобы объяснить эти текущие социальные процессы, нам необходим анализ этих традиций, который помогает лучше понять их развитие, поведение социальных групп.

Традиция – продукт исторического развития общества, своего рода результат накопления знаний, опыта, передаваемого из поколения в поколение. Сегодня многие авторы считают, что генезис традиции, с одной стороны, зависит от системы ценностей, отношений, уже установленных в данном обществе, с другой стороны, формирование традиций обусловлено новыми потребностями в социокультурном освоении реальности.

Изучение традиций народов Северного Кавказа предполагает,

прежде всего, идентификацию и научное обоснование тех элементов традиционной культуры, которые для них характерны. Наиболее ярко сходные элементы проявляются в институциональных внутриэтнических, как добрососедских, так и кровных, отношениях (т.е. в сфере групповых и межличностных отношений, которые принято называть этнографической «общественной жизнью»). И хотя почти все институты универсальны, поскольку они характерны для большинства народов, в то же время другая сторона имеет важное значение для их существования – традиции, которые определяют специфичность и идентичность жизни конкретного народа. Они показывают национальный характер, его оригинальность [4].

Ученые, представляющие этнические группы и республики Северного Кавказа, подчеркивают интересы и права народов региона в области сохранения их этнической идентичности, языка и национального культурного наследия. Во всех этих случаях, в качестве явной или подразумеваемой предпосылки, существует мнение, что источником проблем, противоречий и конфликтов в регионе является его этнокультурная и конфессиональная идентичность [5; 158].

По словам А.Х. Борова и Е.Г. Мурадовой, современные проблемы Северного Кавказа обсуждаются, как правило, в рамках трех общих подходов. Либерально мыслящие исследователи в России и на Западе, а также представители международных организаций сосредоточены на вопросах обеспечения прав человека в регионе. Аналитики и политики, исходя из приоритета национальных интересов России, выдвигают задачи обеспечения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации [5; 158]. В средствах массовой информации и научном сообществе уже длительное время активно обсуждаются крайние, т.е.

конфликтные и кризисные, формы выражения этих явлений – рост этнического национализма, сепаратизм, межэтнические конфликты, усиление влияния исламского фундаментализма, терроризм.

Иногда предпринимаются попытки понимания современных проблем, как если бы Кавказ существовал вне истории. В своей крайней форме это выражается в своеобразном представлении о «несовместимости» иррациональных этнических «первоначал», преобладающих на Кавказе, с современными формами социальной жизни [6; 171-176]. Но есть и «более мягкое» выражение той же позиции, согласно которой адекватное понимание современных проблем Северного Кавказа может быть обеспечено только этнографией, что здесь требуется «поиск нестандартных, нетрадиционных путей или традиционных, пусть неконституционных, но именно традиционных в кавказском смысле слова» путей решения самых острых проблем региона» [7; 43].

Однако до сих пор нет значительного прогресса в вопросе разработки рациональных концепций, которые не только могут объяснить исторические и современные процессы на Северном Кавказе, но и лежат в основе общественного согласия относительно эффективной государственной политики в регионе.

При наличии многих обзорно-аналитических исследований этнополитических проблем региона явно существует дефицит глубоких монографических исследований происходящих в нем социальных и культурных преобразований. Недостаточный «фундаментальный» характер многих работ объясняется тем, что в современных кавказских исследованиях практика аналитически обоснованного определения основной единицы научно-исторического анализа не укоренилась. В большинстве случаев не учитывается, что социально-

культурный облик народов Северного Кавказа как субъектов исторических и современных социально-политических процессов не сводится к набору их этноспецифических характеристик. Он отражает общие результаты исторической эволюции общества и культуры, в том числе не только стабильность традиционных социальных структур и культурных моделей, но и элементы модернизации и интеграции в пространство современной культуры.

Пройдя долгий путь культурного, социального и политического становления, народы Северного Кавказа сформировали, по крайней мере в XV в., ряд устойчивых социационных систем. Совокупность умственных, культурных, социальных механизмов и форм их воспроизводства составляла «классический пласт» исторической традиции и основу этнокультурной идентичности современных народов Северного Кавказа. К концу XIX в. общественно-политическая автономия этого мира была утрачена. Но сохранились устойчивые этнокультурные традиции и сознательное культурно-историческое единство народов. В течение XX в. они испытали беспрецедентно интенсивное, жесткое и «проникающее» воздействие модернизирующих (или антитрадиционалистских) факторов, исходящих извне. Активная адаптация к ним через механизмы и формы самоорганизации, которые превосходят этнокультурную традицию, но сохраняют последовательность по отношению к ней, стала условием для их полного участия в процессах обновления российского культурного и исторического пространства.

Касаемо каждого народа Северного Кавказа, можно сказать, что последовательный предмет их исторической эволюции, находящейся во взаимодействии с ее исторической средой, является социокультурным субъектом.

Соответственно, первоначальной предпосылкой для построения единой концепции истории народов Северного Кавказа является четко выраженное понимание характера современных национальных и социальных потребностей и потребностей, определяющих историческую перспективу для них и для всей России. Фундаментальными по своему значению можно признать следующие из них:

а) потребность в ясном и определенном осознании своей исторической идентичности; в получении убедительного ответа на вопросы: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем?»;

б) необходимость признать себя субъектом исторического действия, определяющим его судьбу, а не как «этнографический материал» или объект исторического творчества любых внешних сил;

в) необходимость поддерживать живую связь с национальными культурными традициями, обеспечивать устойчивое воспроизводство этнокультурных основ национального существования;

г) необходимость активного развития экономических, научных, технических, культурных и политических форм жизнедеятельности современного (модернизированного) общества, открытости и взаимодействия с окружающим миром.

Наконец, если обратиться к изучению «форм и модальностей социальных изменений» в каждой этнорегиональной системе и на Северном Кавказе в целом, невозможно отказаться от применения концепции модернизации. Здесь необходимо указать два аспекта. Во-первых, конкретный исторический анализ не может быть ограничен абстрактной нормативной оппозицией между традицией и современностью, но предполагает опору на «эмпирическое» понимание социально-исторического развития в Новое время как дифференциацию в культурном,

социальном и личном измерениях общественной жизни (индустриализация, урбанизация, усложнение социально-профессиональной структуры и т.д.).

Во-вторых, теория модернизации получила соответствующее развитие в последние десятилетия и неустойчива в формах, включающих принцип сохранения национальной и цивилизационной идентичности в процессе модернизации. Весьма плодотворной для исторического анализа, считает Е.Г. Мурадова, представляется методология, предложенная Ш. Айзенштадтом. Она исходит из того факта, что расширение современной цивилизации, безусловно, подрывает символические и институциональные основы объединенных обществ, но в то же время открывает для них новые возможности для развития и выбора. Появление всех современных (незападных) обществ стало возможным в результате отбора и трансформации множества культурных символов, значений и институтов как западной, так и собственной цивилизации [8]. Согласно этому подходу, «историческая реакция» периферийных обществ на расширение «центральной» цивилизации может быть понята с учетом нескольких факторов: 1) «точка входа» данного общества в глобальную систему; 2) состояние периферии в момент, когда она сталкивается с внешним эффектом; 3) тип культуры и жизнеспособности элиты; 4) формы адаптации к историческим изменениям в условиях его существования, характерных для данного общества.

Синтез традиционных и «модернистских» ценностей также необходим для построения реалистичной стратегии национального развития народов Северного Кавказа в XXI в. Ее основой должны стать учет современных мегатенденций мировой динамики и мобилизация внутренних социокультурных ресурсов, способных обеспечить включенность в

модернизационное развитие при сохранении национальной идентичности. Это потребует институционализации устойчивого воспроизводства этнокультурных основ национального существования и стимулирования процессов модернизации.

Выбор между традициями и инновациями.

В конце 1990-х гг. молодежь Северного Кавказа начала возрождать интерес к традициям досоветского прошлого. На первый взгляд это может показаться странным. Общеизвестно, что чем более развито общество, тем меньше оно связано со стереотипным, традиционным поведением. Действительно, в капиталистическом мире люди часто не пренебрегали сложившимися традициями. Только позже, в начале XXI в., диапазон выбора людьми определенных действий значительно расширился. Оказалось, что теперь указанная закономерность стала противоречить другой. Многократно возросшие культурные контакты, в вели, с одной стороны, к стандартизации, с другой – к стремлению не потерять в стандартизированной культуре свою самобытность. Появилось желание молодых людей Северного Кавказа защищать, возрождать и развивать свои культурные ценности, воплощенные в оригинальных традициях. Таким образом, традиции и обычаи в некоторых случаях становятся этническими, национальными символами. Причины этого явления различны, и раскрытие их полного содержания выходит за рамки данной работы. Однако на Северном Кавказе они в значительной степени опосредуются реакцией на насильственные нововведения XX в. и провалом официальной политики советского государства.

Кратко характеризуя сложившуюся ситуацию, можно сказать, что никогда так много не говорилось о «верности традициям» и в то же время никогда не испытывала традиция такого сильного

потрясения. Этот процесс заставил некоторых специалистов, в частности этнокультурологов, увидеть в нем «дегуманизацию общества» и «слом народного духа» [1]. Причины данного процесса следует искать не только в «обработке общественного мнения» населения посредством западных PR-технологий, но и в использовании традиционных социорегулятивных норм «традиционных» культур в корыстных целях политических элит на местах [1].

Во-первых, не следует забывать, что более 1/3 всего населения Северо-Кавказского федерального округа составляет молодежь (около 2,8 млн человек). Глубокие социально-экономические и политические изменения, происходящие на Северном Кавказе, серьезно влияют на мировоззрение и поведение молодого поколения. Глобальный экономический кризис усугубил вопрос о гражданстве и социальном потенциале молодежи для преодоления противоречий современного общества. Молодежь всегда была представлена в качестве социальной группы, которая обеспечивает передачу социальных отношений и выступает в качестве носителя социальных инноваций. В этой связи социальная активность молодежи становится важным условием для поиска устойчивого развития общества. Эффективное использование социального потенциала молодежи является приоритетной задачей государственных структур и государственных учреждений и важным фактором повышения качества жизни и обеспечения стабильности в регионе [9; 11-115].

Во-вторых, ошибки в выборе средств, методов, целей развития и воспитания молодого поколения, появление вакуума моральных ценностей, разрушение традиций семейного воспитания молодого поколения, деформация привычных условий и способов жизни, неопределенность жизненных перспектив

приводят к социальной неудовлетворенности и отчуждению молодых людей от реальных социальных процессов в обществе. В этих условиях молодые люди используют различные разрушительные силы (радикализм и экстремизм) для дестабилизации ситуации на Северном Кавказе.

В-третьих, современные социальные условия чреватны различными угрозами и рисками. Распространяясь в социальном пространстве, под влиянием различных экономических, социальных, политических и других факторов, риск в конкретных ситуациях воспринимается молодыми людьми по-разному. В обычном сознании молодого человека это выражается в стремлении достичь для него статуса представителей референтных групп. Достижение приносит удовлетворение и является стимулом для дальнейшего прогресса, а нереализованные планы приводят к разочарованию и поиску других, иногда отрицательных способов самоопределения жизни. И достижение, и поиск других путей сопровождается возникновением рискогенной ситуации. Прежде всего, это определяется ограниченными возможностями, предоставляемыми обществом. Осведомленность об ограничениях стимулирует молодых людей к принятию решительных и рискованных действий, результат которых в условиях нестабильности слабо прогнозируется.

В-четвертых, Северо-Кавказский регион в целом, будучи периферийным, интенсивно втягивается в процессы постсоветской модернизации и трансформации. В то же время он находится в эпицентре самых сложных событий, процессов и обстоятельств, выступая в качестве объекта отрицательной стигматизации, символа пугающей и недвусмысленной схематизации [10].

Реакция различных социальных групп на процессы модернизации, пути их реализации представляет

не только научный характер, но и практический интерес, поскольку она дает представление о механизме и опыте преодоления кризисных ситуаций в целом, особенно в многонациональной России.

В-пятых, в условиях принципиально иной эпохи современной России возникла ситуация «дефицита времени» для принятия решений. Стремление предотвратить безнадежное отставание от достижений современной техногенной цивилизации на начальном уровне было вызвано массовым (в значительной степени) некритическим поглощением образцов западной культуры. Это обстоятельство в течение 10-12 лет неоднократно увеличивало разрыв между поколениями, когда молодые люди руководствуются другими понятиями и ценностями, которые неприемлемы для пожилых людей.

Казалось бы, что нет хуже времени для сохранения традиции. И все-таки есть основание не только для тревоги относительно настоящего, но и для сдержанного оптимизма относительно будущего Северо-Кавказского региона. Целостность и устойчивость всякого социального организма как системы обеспечивается благодаря работе внутренних регулирующих механизмов, в которых традиция продолжает играть существенную роль. Следует, конечно, согласиться с положением о том, что в современном обществе регулирование большинства сторон общественной жизни происходит на правовой основе, тогда как в доиндустриальную эпоху приоритет в качестве регулятора в поддержании общества как «не-хаоса» отдан традиции [1]. Однако это положение должно быть подкреплено тезисом, согласно которому традиция присутствует и действует на всех стадиях развития общества, в культурах любого типа и во всех сферах общественной жизни. Причина тому не ослабление традиционности, как принято

считать, а изменение ее коммуникативной модальности.

Подводя итоги, следует отметить, что одним из факторов, препятствующих адекватному пониманию и практическому решению проблем региона, является чрезмерно обобщенный, недифференцированный взгляд на него, не учитывающий уникальный исторический опыт и социокультурную «индивидуальность» конкретного народа. Каждый из этапов российской модернизации оставил свой след на формах и масштабах внутрирегиональной дифференциации во всех измерениях социальной жизни народов Северного Кавказа.

Для большинства современных обществ модернизация была формой ответа на внешние вызовы, и успех этого ответа во многом зависел от их способности мобилизовать свои собственные социокультурные ресурсы.

Исторический опыт северокавказского региона показывает, что отношение политической элиты к традициям народов, населяющих его, может привести как к консолидации общества, так и к ослаблению гражданского мира. При всех обстоятельствах ослабление (или укрепление) государственной власти было связано с тем, что ценности внутреннего мира, национальной гармонии и сохранения культурной самобытности народов были подчинены каким-то другим целям – будь то геополитические или идеологические. В этой связи процессы, происходящие на Северном Кавказе, требуют нового научного осмысления.

Мы не ставили перед собой цель создание общего и завершеного исследования данной проблемы. Более того, такая работа вряд ли может быть доведена до конца. Ведь за традицией скрывается необъятный мир культур и цивилизаций, который хотя и поддается описанию посредством общих принципов, но в то же время всегда будет содержать в себе научную загадку.

Традиция есть необходимая и продолжающаяся во времени живая связь, посредством которой осуществляется современная культурная коммуникация внутри социума – межличностная и межэтническая, а также коммуникация с другими социумами и мировой цивилизацией в целом.

Говоря о проблемах глобализации культуры, следует подчеркнуть, что страхи всеобщего культурного объединения, по нашему мнению, не имеют достаточных оснований. При ближайшем рассмотрении глобализация выступает как диалектический процесс интеграции и дифференциации, универсализации и индивидуализации. Эти тенденции

не являются взаимоисключающими, но взаимодополняющими.

Все вышеизложенное подтверждается заявлением профессора Р.А. Ханаху о том, что современные культурные процессы, в которые, как и весь мир, вовлечен Северный Кавказ, скрывают новые возможности и новые риски. В то же время поворот истории назад или культурная самоизоляция не выглядят серьезными альтернативами [4; 120].

Данное исследование носит открытый характер. Сделанные выводы не закрывают тему, а приглашают специалистов к продолжению диалога о проблеме выбора между традицией и новациями.

Примечания:

1. Апажева С.С. Традиция в российском социуме: дис. ... канд. филос. наук. Нальчик: Кабардино-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова, 2003.

2. Апажева С.С. Восприятие молодежью Кабардино-Балкарской Республики проблем экстремизма и терроризма: социологический анализ // Безопасность Северо-Кавказского региона: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (приуроченной к 5-летию образования Северо-Кавказского федерального округа). Пятигорск, 2015. С. 14-18.

3. Молодежь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа: экспертный доклад / под общ. ред. В.А. Тишкова. М.; Пятигорск; Ставрополь, 2014.

4. Ханаху Р.А. Северный Кавказ в свете проблем глобализации культуры // Кавказ и глобализация. 2008. Т. 2, вып. 2. С. 110-120.

5. Боров А.Х., Муратова Е.Г. Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 157-166.

6. Тишков В. Стратегии противодействия экстремизму // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: бюллетень. М., 1999. Январь-февраль. С. 8.

7. Боров А.Х., Кочесоков Р.Х. Кавказский дискурс: методология как конфликт мировоззрений // Философские науки. 2011. № 1. С. 43.

8. Муратова Е.Г. Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе: дис. ... д-ра ист. наук. Нальчик: Кабардино-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова, 2006.

9. Апажева С.С., Машуков Х.В. Религиозные воззрения современной молодежи КБР: социологический анализ // Динамика развития культуры и искусства народов Северного Кавказа и профилактика ксенофобии, национализма и этносепаратизма: материалы Регион. науч.-практ. конф. Махачкала: Изд-во Дагестан. гуманит. ин-та, 2015. С. 110-116.

10. Мамсиоров Х.Б. Большевицкая модернизация культурной сферы народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в 20-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Нальчик: Кабардино-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова, 2005.

References:

1. Apazheva S.S. Tradition in the Russian society: Diss. for the Candidate of Philosophy degree. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University of Kh.M. Berbekov, 2003.

2. Apazheva S.S. Perception of the problems of extremism and terrorism by the youth of the Kabardino-Balkarian Republic: a sociological analysis // Safety of the North Caucasus region: the Past, the Present and the Future. Materials of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference (timed to the 5th anniversary of the formation of the North Caucasus Federal District). 2015. P. 14-18.

3. Youth in the polyethnic regions of the North Caucasus Federal District. An expert report / general ed. by V.A. Tishkov. M.; Pyatigorsk; Stavropol, 2014.

4. Khanakhu R.A. North Caucasus in the light of the problems of culture globalization // Caucasus and globalization. Vol. 2. Iss. 2. 2008. P. 110-120.

5. Borov A.Kh., Muratova E.G. North Caucasus in the modern social discourse // Social Sciences and Modernity. 2011. No. 4. P. 157 – 166.

6. Tishkov V. Strategies of counteraction to extremism // Network of ethnological monitoring and early prevention of conflicts. The Bulletin. Moscow. January – February 1999. P. 8.

7. Borov A.V., Kochesokov R.Kh. The Caucasian Discourse: Methodology as a Conflict of Worldviews // Philosophical Sciences. 2011. No. 1. P. 43.

8. Muratova E.G. Balkarian societies in the context of Russian politics in the North Caucasus: Diss. for the Dr. of History degree. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University of Kh.M. Berbekov. 2006.

9. Apazheva S.S., Mashukov Kh.V. Religious views of the KBR modern youth: a sociological analysis // Dynamics of development of culture and arts of the peoples of the North Caucasus and prevention of xenophobia, nationalism and ethnoseparatism. Materials of the Regional Scientific and Practical Conference. Dagestan Humanitarian Institute. 2015. P. 110-116.

10. Mamsirov Kh.B. Bolshevik modernization of the cultural sphere of the peoples of the Central and North-Western Caucasus in the 20s of the 20th century: Diss. for the Dr. of History degree. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University of Kh.M. Berbekov, 2005.